

Абузар БАГИРОВ,

доктор филологических наук,
профессор Университета МГИМО МИД РФ

МЫСЛИТЕЛЬ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПРОЗЫ

На первый взгляд, жизненные пути всех людей схожи: рождение, младенчество, детство, юность, молодость, зрелость, старость и, наконец, уход в мир иной. Но в действительности ни одна человеческая судьба не похожа на другую. Люди имеют разную продолжительность жизни – у кого-то несколько дней, у кого-то несколько десятилетий, а у кого-то и целый век, и дольше... Кто-то живёт счастливо, а кто-то в несчастье. Одни почивают в

достатке, а другие влачат бедное существование. Кто-то пышет всю жизнь здоровьем, а кого-то годами одолевают недуги. И этот перечень можно продолжать до бесконечности. Видимо, всё это начертано на небесных скрижалах уже в момент рождения каждого из нас – у кого что на роду написано...

Как давно замечено мудрецами, те люди, которые в детстве, юности и молодости прошли через

большие трудности, со временем приобретают особую стойкость и закалку, которые помогают им в дальнейшей жизни достигать высот, быть успешными, и в силу этого они становятся добрыми, щедрыми и мудрыми. Жизненный и творческий путь **талантливого азербайджанского прозаика, драматурга, переводчика, фундаментального учёного, глубокого мыслителя, активного общественно-политического и государственного деятеля Мирзы Ибрагимова** служит тому ярким примером.

Мирза Аждар оглу Ибрагимов родился 15 октября в 1911 году в селе Эве провинции Ирана Сараб (Южный Азербайджан) в бедной крестьянской семье. В четыре года он потерял мать и старшую сестру. **В 1918 году отец его в поисках куска хлеба вместе с двумя сыновьями переехал в Баку** и устроился чернорабочим на нефтяных промыслах. В 1919 году отец

Мирза Ибрагимов с супругой и детьми

будущего писателя Аждар киши умер от тяжёлой болезни, а вскоре маленький Мирза потерял и своего старшего девятилетнего брата. Весть о смерти младшей сестры настигла его, когда ему было всего 8 лет от роду. Полностью осиротевшего мальчика взял к себе его дядя по матери, рабочий нефтяного промысла Манташевых. Семья дяди еле сводила концы с концами, и Мирза вынужден был поступить в батраки к одному богачу, жителю селения Забрат близ Баку. Только **в сентябре 1922 года, уже при Советах он смог пойти в школу в соседнем селении Сабунчи.**

В 1926 году с помощью любимого первого учителя Мирза поступил в ФЗУ – фабрично-заводское училище на шестом промысле Сабунчинского нефтяного района. Учащиеся четыре часа учились, а четыре часа работали, получая в месяц 17 рублей 50 копеек. Этой суммы Мирзе хватало на то, чтобы не зависеть ни от кого – впервые он избавился от голода и нищеты. Затем Мирза продолжил образование на вечерних курсах рабочей молодёжи при нефтяном техникуме в селении Балаханы, одновременно работая учеником слесаря.

В 1929 году Мирза Ибрагимов вступил в ряды Коммунистической партии, а **с 1930 года стал**

посещать литературный кружок, организованный в посёлке Забрат писателем Седом Гусейном (1887–1938). В 1930 году в альманахе «Апрел аловлары» было помещено его **стихотворение «Бурится скважина», которое и стало литературным дебютом молодого Мирзы Ибрагимова**; с того времени его стихи, рассказы и очерки стали регулярно публиковаться в республиканской печати. В 1931 году он был принят в члены Ассоциации азербайджанских пролетарских писателей (АзАПП). В 1932 году Мирза Ибрагимова избрали ответственным секретарём правления АзАПП, а в период образования Союза советских писателей Азербайджана – секретарём его Оргкомитета.

В 1932–1933 годы Мирза Ибрагимов учился на подготовительном отделении Азербайджанского государственного научно-исследовательского института. В том же году партия направила Мирзу Ибрагимова редактором газеты в политотдел Нахчыванской МТС. Эта работа оказалась полезной молодому писателю в осмыслении событий тех лет в сельской местности, ставшей ареной колхозизации. В 1934–1935 годы он работал над **драмой «Хаят» – своим первым крупным**

Первые члены Президиума АН АзССР, 1945 г. Второй ряд, второй слева - Мирза Ибрагимов

произведением, отображающим период кол-lectivизации в Азербайджане.

В 1936–1937 годы Мирза Ибрагимов учился в аспирантуре при Институте востоковедения Академии наук СССР в Ленинграде под руководством профессора, члена-корреспондента АН СССР Е. Э. Бертельса (1890–1957), и **в 1941 году успешно защитил кандидатскую диссертацию о творчестве выдающегося азербайджанского писателя-сатирика Джалила Мамедкулизаде** (1869–1932) под названием «Великий демократ (Молла Насреддин)». Эта работа в значительно переработанном и дополненном виде была издана в 1957 году в Баку в качестве монографии под редакцией профессора Мир Джалала (1908–1978) и по сей день считается настольной книгой о творчестве великого Джалила Мамедкулизаде.

С 1937 года Мирза Ибрагимов занимал ответственные посты: директора Азербайджанского государственного театра оперы и балета имени М.Ф. Ахундова (1937–1938); начальника Управления по делам искусств при Совнаркоме Азербайджанской ССР (1938–1942); министра просвещения Азербайджанской ССР (1942–1947); директора Института языка и литературы АН Азербайджанской ССР (1948–1954); председателя Верховного совета Азербайджанской ССР (1954–1958). Он **неоднократно избирался на руководящие должности в Союзе писателей Азербайджана** (в 1948–1954, 1981–1991 гг. был председателем правления; в 1965–1976 гг. – первым секретарём правления). Мирза Ибрагимов избирался депутатом Верховного совета СССР почти всех созывов – кроме 6-го (1962–1966) и 9-го (1974–1979), а также народным депутатом СССР (1989–1991). С 1977-го по 1987-й годы являлся председателем Советского комитета солидарности стран Азии и Африки.

23 января 1945 года Мирза Ибрагимов стал одним из пятнадцати академиков-учредителей Академии наук Азербайджанской ССР.

Многолетние литературные и научные труды этого вдумчивого прозаика, фундаментального гуманистария были по достоинству оценены государством. С молодости ставший народным любимцем Мирза Ибрагимов уже в 1943 году был удостоен звания заслуженного деятеля искусств Азербайджанской ССР, в 1961 году – народного писателя Азербайджана, а в 1981 году – Героя социалистического труда. Награждался также различными орденами и медалями Советского Союза.

Несомненно, писательский талант Мирзы Ибрагимова с полной силой проявил себя в 1930-е годы стихами, очерками и рассказами. Свои ранние поэтические опыты он посвятил самоотверженному труду бакинских нефтяников, жизнь которых ему была хорошо известна ещё с детских лет. **В дальнейшем Мирза Ибрагимов отдавал предпочтение прозе, опубликовав два своих первых рассказа - «Мелек» и «Захра».** Основное содержание этих ранних рассказов составляло крушение в Азербайджане старых патриархально-феодальных отношений в быту, приход женщин на производство, завоевание ими политических и гражданских прав. Автор показывал в этих рассказах изменение психологии женщины как результат новых общественных отношений.

Мирза Ибрагимов пришёл в литературу из народной среды. Став писателем, он не только не потерял связей с народом, а наоборот, еще более расширил их. Соответственно, становился шире и диапазон его творческих интересов.

В 1932 году писатель побывал в Украине, объездил многие города, посетил промышленные предприятия Донбасса и Крыма. Результатом этой

Мемориальная доска на стене дома в Баку, в котором жил Мирза Ибрагимов

поездки стали очерки «На одном фронте», «Герой труда», «Подземный мир», «Домна номер шесть», которые **были изданы в том же году отдельной книжкой под названием «Страна гигантов»**. Эта была первая книга Мирзы Ибрагимова. В 1936–1940 годы М. Ибрагимов написал ряд научно-публицистических статей, рассказ «Доверие» и драму «Мадрид», отображающую героическую борьбу испанских антифашистов в период гражданской войны 1936–1937 гг.

В начале Великой Отечественной войны писатель создал драму «Махаббат» (1941), посвящённую самоотверженному труду патриотов тыла, и ряд лирических стихотворений. В последующие годы Мирза Ибрагимов, находясь вместе с советской армией в Иране, редактировал выходившую в Тебризе красноармейскую газету «Ватан угрунда».

Послевоенные 1945–1948 годы стали наиболее продуктивными в творчестве писателя. Им опубликованы рассказы и повести «Воля», «Памятник», «Братство», «Две жизни», «Восстание Чандры», много научно-публицистических статей. Отметим, что пребывание в Иране обогатило Мирзу Ибрагимова новыми впечатлениями, которые вылились в большой цикл «Южных рассказов» – «У костра», «Привет тебе, Россия!», «Двенадцатое декабря», «Конец страданиям», «Азад», и в роман «Наступит день». **Самоотверженная борьба крестьян и трудовой интеллигенции Южного Азербайджана за свободу красной нитью проходит через эти произведения**. В его рассказах мы встречаем людей, для которых социальные, классовые интересы стали личными. Они живут революцией, не ведая страха, не признавая трудностей, принимают как счастье даже смерть, если она принесёт пользу делу

освобождения народа. «Южные рассказы» Мирзы Ибрагимова подкупают искренностью и приподнятыстью стиля. **В 1948 году писатель завершил роман «Наступит день», тематически тесно связанный с «Южными рассказами**. Роман свидетельствует о зрелости писателя, мастерски обобщившего огромный жизненный материал, накопленный в течение ряда лет. В этом смысле «Южные рассказы» явились подготовкой к роману, в котором писатель показал картину жизни всех классов шахского Ирана. Роман «Наступит день» – одно из значительных произведений послевоенной советской прозы, в 1951 году был удостоен Государственной премии СССР.

В 1958 году вышел роман Мирзы Ибрагимова «Великая опора», посвящённый будням колхозников Муганской степи. Председатель колхоза «Новая жизнь» Рустам Рустамов – способный, опытный, преданный своему делу хозяйственник, хороший организатор. Но успехи вскружили ему голову, он и сам не заметил, как вокруг него собирались подхалимы и угодники, а в нем самом подняли голову зазнайство, самоуверенность, нетерпимость к критике. В семье же Рустам – приверженец старых патриархальных обычаяев. Его жена Сакина, сын Гараш, дочь Перишан, невестка Майя уважают отца, несмотря на крутой нрав. Они стараются раскрыть перед ним истинное лицо тех людей, которыми он окружил себя. Сакина советует мужу: «Если в жизни нужна опора, за скалу хватайся, а не за сухую глину». И в конце концов Рустам осознает свои ошибки. Народная закваска и преданность общему делу помогают ему вовремя понять ошибочность и вредность своего поведения. Писатель сумел тонко и психологически убедительно показать перерождение героя.

Несмотря на многолетнее увлечение прозой, **Мирза Ибрагимов не забывал и драматургию; в репертуаре театров часто появлялись его пьесы**. В 1960-е годы он создал ряд сценических произведений - «Деревенская девушка», «Хороший человек», «Тлеющие очаги». Среди них выделяется комедия «Деревенская девушка». Пьесы М. Ибрагимова – колоритные и динамичные, пользовались у зрителей большим успехом.

Романом «Пэрванэ» (1970) Мирза Ибрагимов положил начало новой своей эпопее, в которой **развернута картина социальной и политической**

жизни азербайджанского народа во второй половине XIX века и ярко показано формирование молодой демократической интеллигенции. Главные герои романа – просветители Саид и Нариман, несущие светоч знаний в тёмные уголки страны. Они учатся у передовых русских педагогов-гуманистов. Лучшие страницы романа посвящены Горийской учительской семинарии, сыгравшей огромную роль в подготовке педагогических кадров для народов Закавказья в конце XIX – начале XX веков.

Мирза Ибрагимов всегда принимал активное участие в общественно-литературной жизни Азербайджана, он был талантливым публицистом и фундаментальным исследователем истории и теории литературы, глубоким знатоком азербайджанской, и мировой литературы. В совершенстве владея персидским, арабским и русским языками, **писатель был истинным энциклопедистом-гуманистом, глубинным мыслителем азербайджанской прозы и публистики советского периода.** Перу Мирзы Ибрагимова принадлежат многочисленные статьи о творчестве Низами Гянджеви, Имадеддина Насими, Мухаммеда Физули, Мирзы Фатали Ахундова, Моллы Панаха Вагифа, Александра Пушкина и многих других классиков мировой литературы. Мирза Ибрагимов особое внимание уделял изучению литературных связей народов СССР, их взаимовлиянию. Он кратко и ёмко **охарактеризовал историю печати в Азербайджане**, описал основную идеиную направленность таких ведущих газет, как «Экинчи» («Пахарь»), «Зия» («Свет»), «Кешкюль» («Дароносица») и «Шарги-Русь» («Русский Восток») и др.

Важной сферой творчества Мирзы Ибрагимова является **переводческая деятельность**. Широко известны его переводы на азербайджанский язык произведений Уильяма Шекспира «Король Лир» и «Двенадцатая ночь», Николая Чернышевского - «Что делать?», Антона Чехова - «Три сестры», Шарафа Рашидова - «Победители» и др.

Выдающийся писатель, известный учёный, видный общественный и государственный деятель Мирза Аждар оглу Ибрагимов ушёл из жизни 7 декабря 1993 года и похоронен на Аллее почётного захоронения в Баку.

Мирза Ибрагимов оставил огромное художественное и научное **наследие, собранное более чем в 50 книгах, и в 10-томнике собрания сочинений, изданного в 1978–1983 годы.** Активное отношение писателя к жизни, стремление

дать ответ на волнующие вопросы современности, показать и подтвердить превосходство нового во всех областях жизни выдвинули его в ряды реалистического течения в литературе. Правдивое отображение обстоятельств, умение проникать в психологию своих персонажей, простота, мудрость и выразительность стиля были характерными особенностями творчества незабвенного, воистину народного писателя Азербайджана Мирзы Ибрагимова.

Литература

1. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi, 3 cilddə. Üçüncü cild: Sovet dörvü. Bakı, Azərbaycan EA nəşriyyatı, 1957. 562 s.
2. Очерк истории азербайджанской советской литературы. Подготовлен к печати Институтом литературы и языка им. Низами АН Азербайджанской ССР совместно с отделом советской литературы ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР. Ответственные редакторы: З.С.Кедрина, Г.Б.Бабаев. Москва, «Наука», 1963. 570 с.
3. Azərbaycan sovet ədəbiyyatı. Bakı: Maarif, 1966, 436 səh.
4. М.А.Дадашзаде. Азербайджанская литература. Москва, «Высшая школа», 1979. 232 с.
5. М.А.Ибрагимов. Книга моей жизни. Очерки. Перевод с азерб. яз. Азера Мустафазаде. Москва, «Советский писатель», 1979. 312 с.
6. М.А.Ибрагимов. Сердце Мадины. Рассказы. Перевод с азерб. Библиотека «Огонёк» № 41, Москва, «Правда», 1981. 64 с.
7. T.Əhmədov. XX əsr Azərbaycan yazıçıları: ensiklopedik məlumat kitabı. Bakı: Nurlar, 2004, s. 615
8. А.Дж.Рустамова, Б.А.Набиев, Я.В.Караев. Азербайджанская литература. Краткий очерк (для азербайджанской диаспоры). Баку, «Элм», 2005. 456 с.
9. B.B.Əhmədov. XX əsr Azərbaycan ədəbiyyatı tərəxi (dərslik), üç cilddə. İkinci cild. Bakı: Apostrof, 2010. 436 s.
10. T.Kərimli. Akademik Mirzə İbrahimov. Bakı: Elm, 2015. 135 s.

This article briefly describes the life and work of one of the most prominent figures in 20th-century Azerbaijani literature, literary scholar and public figure, Mirza Ibrahimov.

СЕРДЦЕ МАДИНЫ

рассказ (сокращенно)

Явер любил свою жену Мадину и был счастлив. Подобно тому, как деревья, пробудившись от зимней спячки, жадно тянутся к вешнему солнцу, пьют его живительные, тёплые лучи и все пышнее расцветают от этого, Явер чувствовал: любовь к Мадине придаёт ему силу и уверенность. Новое, большое чувство заполнило его жизнь. Как бы порадовать Мадину, увидеть её довольную улыбку – только об этом и думал он теперь. Мадина не любила наряжаться, и Яверу не нужно было надрывать силы ради нового модного платья жены, ради поездки на курорт летом. Не было в этом нужды, потому что Мадина была скромна и бережлива. Зарплаты учителя Явера им вполне хватало...

Мадина страстно любила рыб и цветы. Вся её квартира была уставлена аквариумами с плавающими в них разноцветными рыбками. И Явер чуть ли не каждую неделю посещал магазин, где продавались комнатные рыбки, расспрашивал друзей и знакомых, выискивал все новые, оригинальные породы. По звуку шагов Явера, по его звонку Мадина сразу понимала: Явер возвращается сегодня с новой покупкой, и радостно бросалась ему навстречу, нежно обнимала его. Конечно, если бы Явер проделывал всё это ради ласки жены, её поцелуев, можно было бы сказать, что он любит не Мадину, а скорее самого себя. Но Яверу доставляли наслаждение детская радость Мадины, её счастье при виде каждой его новой находки.

И так же страстно любила Мадина цветы – китайскую розу и все те цветы, которые выращивают в горшках и которые остаются венчанелёными и лето, и зиму. Прохожие невольно останавливались перед балконом Мадины, любуясь зелёными деревцами и яркими цветами. Почти все это были подарки Явера.

Явер знал: сердце у Мадины доброе, она никому на свете не пожелает зла. Когда у соседей или знакомых случалась какая-нибудь беда, Мадина искренне горевала, старалась прийти на помощь...

Явер преподавал в средней школе физику. Надо было видеть Явера, когда он, возвратясь из школы, нажимал звонок в дверях своей двухкомнатной квартирки в одном из новых домов нагорной части Баку, когда он слышал милый голос Мадины и снова оказывался вместе с ней. Лицо его сияло счастьем, он входил в переднюю, довольный собой, своей работой, людьми и всем миром, целовал жену, брал на руки трёхлетнюю дочь Лейлу, нежно прижал её к себе, подставлял ей свои щёки и говорил: «Поцелуй папочку!» Если отец был чисто выбрит, дочурка крепко обнимала его, но если на щеках росла щетина – дочь надувала губы, отстранялась и крошечной, пухлой ручонкой трогала щёки отца: «Колючий...»

И сегодня, чуть только раздался звонок, своим милым, ласковым голосом Мадина ответила: «Иду» – и подошла

к двери. Она сразу почувствовала, что Явер не один. Открыв дверь, отступила в удивлении: рядом с Явером стоял молодой человек, рослый, кареглазый. Он был без шапки, густые вьющиеся волосы спадали ему на лоб. На смугловатом лице его светилась улыбка довольного своей судьбой человека. Его белая шёлковая рубашка была выпущена поверх серых шерстяных брюк. Длинные, широкие рукава рубахи были без пуговиц, отчего жесты его казались особенно свободными, непринуждёнными. Мадина сразу узнала его. Это был Расим, с которым они учились вместе, начиная с седьмого класса и до самого окончания школы.

Как изменился Расим! Ну, просто богатырь Фархад – такой статный и крепкий. Каким маленьким, бледным и слабым выглядел рядом с ним Явер! Как будто в комнате, освещённой свечой, вдруг зажгли яркую электрическую лампочку. Молодой человек тоже узнал Мадину и даже, казалось, вздрогнул от удивления, в его больших карих глазах засверкали искорки. Как похорошела, расцвела, словно роза, смуглая и худенькая школьница Мадина!

… Мадина не знала, что её муж знаком с Расимом. Она не знала, что совсем недавно, возвращаясь из Москвы, он ехал с Расимом в одном купе. Три дня они провели вместе, вместе ели и пили, оживлённо беседовали и очень понравились друг другу. И сейчас, случайно встретившись на улице, Явер не отстал от Расима, пока не затащил к себе домой.

Мадина, вся раскрасневшаяся от неожиданной встречи, не успела сказать, что знает Расима, как Явер уже представил их друг другу. Вытерев руку о клетчатый фартук, она протянула её Расиму. Художник пожал руку Мадины и обратился к Яверу:

– Мы с Мадиной ханум давно знакомы, вместе учились.

– Да? Ещё лучше! – сказал Явер громко. И протянул Мадине маленькую банку, где металась какая-то рыбка. – Это китайская рыбка, редкость!

Мадина улыбнулась, взяла банку. Явер повёл художника в комнаты:

– Входите, пока Мадина приготовит нам поесть, я покажу вам её цветник.

… Мадина отвела взгляд от его больших, внимательных глаз, посмотрела куда-то мимо его плеча.

– Добро пожаловать, сегодня я приготовила долму.

– Да ведь это роскошь! – с восхищением отозвался Расим и о чём-то задумался, как это свойственно рассеянным людям. Но Явер, казалось, не заметил этого. «Хорошо, что муж в чудесном настроении, не так зорко следит за всем, как обычно, – подумала Мадина, и ей тут же стало стыдно своих мыслей: – Что тут особенного, словно я хочу скрыть от него что-нибудь...»

– Папочка, здравствуй! – закричала маленькая Лейла, в её тоненьких косицах ярко алела шёлковая ленточка. Выбежав из соседней комнаты, девочка бросилась в объятия

Явера. Мадина прошла на кухню. Расцеловав дочь, Явер представил её Расиму:

– Ну, подружись с дядей. Он хорошо рисует. Тебе дядя нарисует гнома, петуха, лисичку.

Лейла робко поглядела на Расима, но по первому же его зову, широко раскрыв руки, подошла к нему. Это очень обрадовало Явера. Лейла была своего рода пробным камнем для оценки гостей этого дома. Если она с первой же встречи начинала дружить с гостем, значит, это хороший человек; если чуждалась кого-нибудь, значит, нехороший.

– Мадина, посмотри-ка! – крикнул Явер, приоткрыв дверь в кухню. – Посмотри, как Расим сразу подружился с Лейлой!

Мадина не вышла, только ответила из кухни: «Хорошо, очень хорошо». А Лейла своей маленькой ручкой схватила Расима за нос и пролепетала:

– Хороший дядя!

И с этой минуты Расима в этом доме стали называть «хорошим дядей».

… Отчего же так тревожно на душе у Мадины? Почему она не решается выйти из кухни, почему она боится, да, боится сесть за один стол с Расимом? Эти мысли удивили Мадину. Удивилась она, почувствовав, что сердце её бьётся учащённо. «Что со мной?» – подумала она.

Да, Мадина сама не знает причины этого странного явления. Удивительная вещь – сердце человека. Даже седовласые учёные, всю жизнь свою посвятившие изучению сердца, прислушивавшиеся к биению тысяч сердец, чтобы облегчить их боль, часто остаются беспомощными. Я видел людей, которые жаловались на сердечную боль, – их осматривали, прослушивали несколько врачей. И все врачи в один голос говорили: «Ничего особенного, вы здоровы», – а больной по-прежнему жаловался, твердил, что сердце его ноет, болит. Тогда седовласые учёные, не доверяя своим ушам, своим рукам, знаниям и ощущениям, снимали электрокардиограмму, внимательно смотрели, совещались и снова в один голос заявляли: «Ничего особенного». А сердце больного всё ныло. Оно лежало у него в груди как тяжёлый камень. Да, многое необъяснимых тайн у сердца!

Одного только хотела теперь Мадина: чтобы скорее кончился обед, скорее был выпит чай, скорее ушел бы Расим, чтобы ей остаться наедине с любимым мужем, с малюткой-дочерью. Пусть и сегодня никто не нарушает покоя и счастья их дружной семьи! Но, вопреки желанию Мадины, Расим отнюдь не спешил уходить, а Явер и не думал отпускать его. Беседа, начатая за обедом, продолжалась за чаем, становилась всё интереснее. Когда стемнело и зажглись яркие огни большого города, когда Явер попросил вторично заварить чай, Мадина и сама вступила в эту беседу.

А говорили о музыке. Эта тема вызывала в то время оживлённые споры в семьях, в фойе театров, в дружеских

компаниях. Когда они только усаживались за стол, по радио объявили музыкальную передачу.

– Посмотрим, что передадут, – сказал Явер, включая приёмник. – Вы любите музыку?

– Люблю, но не всякую, – ответил Расим. – По правде говоря, есть вещи, которые я слушать не могу.

Явер, обрадовавшись, что встретил единомышленника, поглядел на Мадину. Его глаза говорили: «Видишь, не я один недоволен. Недоволен и тот, кто прекрасно понимает искусство, сам является его творцом».

Явер не случайно взглянул так на жену. Уже не раз, слушая вместе с нею музыку по радио, он внезапно выключал приёмник, недовольный исполнением произведением.

Теперь Явер воодушевился, найдя такого авторитетного союзника, как Расим.

– Я того же мнения. Иногда исполняют такие вещи, как будто мозг сверлят. И называют это новым содержанием, современной тематикой и ещё не знаю чем. А музыка, как доской, ударяет о грудь человека, и грохочет, и снова удирает, – как ни стараешься что-нибудь понять, не удаётся. Голова трещит, устаёшь, нервы расходятся. Я так считаю: музыка не должна быть сумятицей непонятных звуков, она должна заставить трепетать сердце человека, обогащать его чувства. Разве я не прав?

Мадина присматривалась к Расиму: и жесты его, и манера говорить, и голос были мягкими и ясными, так же, как неизменная улыбка на лице, всё в нём было удивительно уравновешенно, невольно располагало к себе. Хотелось верить каждому его слову. Он не уступал из одной вежливости и не спорил только для вида. И ответ его на вопрос Явера показался Мадине искренним и убедительным.

– Товарищ Явер, мы оба, кажется, одинаково понимаем музыку. То, о чём вы говорите, чего вы требуете, мы, художники, называем эмоциональным искусством. Признаюсь, я тоже поклонник такого искусства. Но художники с холодными сердцами, чтобы скрыть своё равнодушие и холодность, прячутся, как вы говорили, за темой. Так иные из них скрывают свою бездарность, а другие вступают на путь лёгкой славы.

Явер наслаждался каждым словом собеседника, с трудом удерживаясь, чтобы не обнять и не расцеловать его.

– Друг мой, о чём угодно пиши, мы не возражаем, только пиши от всего сердца, так, чтобы за душу хватало.

– Верно! Там, где нет искренности, задушевности, не может быть и искусства. Писатели, скрывающие свои недостатки за ширмой темы, не могут понять того, что подлинная современность, актуальность всегда помогала создавать настоящие, взволнованные, эмоционально насыщенные произведения. В подлинной актуальности всегда заключено какое-то величие, подлинное новаторство всегда и неизменно красиво. Как можно назвать бледное и слабое произведение актуальным, современным и новым? Это невозможно!

Явер и Расим так горячо, так искренне соглашались друг с другом, что Мадина тоже невольно вмешалась в их разговор и полушутя заметила Расиму:

– Почему же вам, художникам, никто не предъявляет таких обвинений? Я видела картины, которые ни на что не похожи. Как будто писал их не художник, а какой-то маляр...

– Вы тоже правы, Мадина-ханум. Как говорится: перед словом правды я покорно склоняю голову. У нас действительно бывают картины, заставляющие вспомнить нерадивого маляра. Но не все работы наши таковы. Есть и у нас произведения, которые по-настоящему радуют. Учите ещё – мы тоже ищем, стараемся найти нужные краски, нужные оттенки, тона, с помощью которых мы могли бы ярче отразить дух эпохи. Мы искренне стараемся. Мы хотим творить, никому не подражая. Это надо ценить.

В это время по радио начали передавать мугам. Явер слегка повернул регулятор вправо, громче зазвучали аккорды.

– Вот какой должна быть музыка! За душу берет! Такую вещь можно слушать без конца! – восхищённо говорил он.

После мугама заиграли одну из народных мелодий. И её Явер выслушал с довольною улыбкой. Но когда вслед за этим симфонический оркестр начал исполнять довольно посредственную сюиту, Явер покачал головой и выключил радио.

– Не поймёшь, что такое, какофония, да и только! Знаешь, Расим, мне кажется, некоторые наши композиторы как-то свысока смотрят на нашу народную музыку. Сойдя с настоящего пути, идут по трудным, каменистым дорогам...

Расим задумался. По-видимому, ему не хотелось высказывать сразу своё мнение. А Явер нетерпеливо ждал подтверждения и этих своих слов.

– Есть и такие, – медленно начал Расим, – но большинство ищет. Вы согласны со мной, что, как и всё другое, музыка также нуждается в эволюции? Согласны, что человек, проводящий свои дни в четырёх стенах, перестанет развиваться? Я часто вспоминаю один рассказ отца, слышанный в детстве. В двадцать пятом году случилось ему заехать в горный Кельбаджарский район. Тогда не было нынешних дорог. Зимою горы и долины на три месяца исчезали под снегом. Кельбаджар оказался отрезанными от окружающего мира. Отец очутился в самом глухом углу этого района – в селении Яншаг, в самом непроходимом месте у подножия горы Муровдаг. И вот отец рассказывал, что там, в этом селении, встретил девяностолетнего ашуга, который слагал песни и подыгрывал самому себе на сазе. Ашуг этот даже не представлял себе, что такое город! Для него самым большим городом на свете был Кельбаджар. А ведь Кельбаджар был всего лишь крошечным посёлком. Отец восхищался талантом, памятью, тонким вкусом старого ашуга. И очень сожалел, что у этого ашуга были самые наивные, детские представления о большом мире.

Отец говорил: «Если бы в своё время этот ашуг ходил по стране, учился у других, он стал бы гением. Долина Яншаг придавила беднягу, выжала все соки из него, и он стал крикливым, горбуном». В наше время горизонты неизмеримо расширились. Каждый старается приподняться, смотрит по сторонам, ищет – чему может научиться у других.

Слушая Расима, Явер задумался, притих.

– Конечно, плохо быть горбуном в долине Яншаг. Но что поделать, если симфонии, концертины, разные сюиты иных современных композиторов мне не нравятся? Не по душе – и всё! А почему не по душе? Потому, что симфонии эти не вяжутся с нашей музыкой!

В домашнем быту, где господствовало общее согласие и гармония, Мадина всегда старалась смягчать подобные высказывания мужа. Но сейчас слова Явера прозвучали для Мадины странно. Было ясно: Явер ошибся. Как может он не понимать такой простой, очевидной истины? Разве можно так упрощать вопрос? Если симфония не вяжется с нашей музыкой, почему же тогда «Короглу» так чарует нас? Ведь когда-то у нас не было и оперы!

Но Мадина умышленно промолчала, не стала возражать. Хотелось услышать, как ответит Яверу Расим.

– Не стану спорить об этой сюите, – начал, улыбаясь, Расим. В этом я с вами согласен. Но со вторым вашим положением никак не могу согласиться. Виноваты ведь не симфонии, концертины, сюиты и прочие музыкальные формы. В этих формах уже созданы бессмертные творения. И наши композиторы создадут шедевры в этих формах. Развивая новые формы, мы откроем скрытые до сих пор богатства – новые оттенки и новую прелесть нашей музыки.

Спор затянулся. Явер упорно стоял на своём, Расим возражал. Но увидев, что Явер по-настоящему горячится, схватил его руку, крепко пожал и встал.

– Мудрые отцы дали нам хороший совет: зло ясного дня лучше добра темной ночи. До свиданья, будьте здоровы!

Мадина обрадовалась, когда, наконец, далёко за полночь Расим ушёл. Ей от души хотелось, чтобы он больше не приходил.

Но на третий день, к вечеру, раздался звонок. Пришёл Расим. Под мышкой у него была коробка с долгиграющими пластинками. Первой он поставил увертюру к сцене «Чанлибель» из оперы «Короглу». Азербайджанская музыка в исполнении симфонического оркестра гремела, бушевала, как бурное море, поражала своей неиссякаемой мощью.

После «Короглу» они прослушали «Грёзы любви» Листа. Как-то получилось так, что Явер и Мадина до сих пор не были знакомы с этим замечательным произведением, воспевающим чистую, возвышенную любовь. И оно поистине очаровало их! Как правдиво, как волнующе выражены в нём благородные чувства и порывы, радость и боль любящего сердца...

Они снова заговорили об искусстве. Явер не возвращался уже к прежней теме, и Мадина почувствовала: теперь он держится осторожнее. Казалось, Расим тоже старается не возвращаться к этой теме, чтобы не задеть слабое место Явера. Вообще художник явно не принадлежал к тем людям, которые постоянно стараются подчеркнуть своё превосходство. Как правило, он внимательно и учтиво выслушивал собеседника, умел находить в человеке хорошие стороны и радовался им, а сам возражал спокойно, говорил вежливо и мягко. У Мадины создалось впечатление, что после общения с Расимом человек сам как-то вырастает в собственных глазах, возникает желание быть опрятным и красивым во всём – и в одежде, и в разговоре, и в поступках.

Так художник стал своим человеком в доме Явера. Он появлялся каждые два-три дня. Сидели, мирно беседовали. Однажды снова речь зашла об искусстве. В этот раз больше всего говорили о живописи. Расим разглядывалrepidукиции картин, развешанные в комнате Мадины. На одной была изображена девушка – сборщица винограда, на другой – снежные горы. Обе картины – изделия Художественного фонда.

– Мадина-ханум, придётся, как видно, и вас покритиковать. Что это значит, одно время вы нападали на художников-маляров, а теперь сами украшаете их мазней свои комнаты? – впервые Расим задел Мадину.

– Что делать, ничего другого не нашлось! Развесили то, что смогли достать.

– Один из моих знакомых продаёт хорошую копию картины Бехзуза Кенгерли «Дорога в Яшхана». Я вам советую приобрести её и повесить на место вот этой. – Расим указал на сборщицу винограда. – Всмотритесь в это прекрасное полотно, созданное тридцать лет назад, почувствуйте всё богатство этого пейзажа. А взамен... – Расим указал на изображение снежных гор, но Явер не дал ему докончить.

– Взамен я повешу её изображение, – сказал он, широко улыбаясь и глядя на Мадину.

Краснея под взглядами двух мужчин, Мадина возразила:

– Ну-ну, скажешь такое! Зачем здесь вешать фотографию? Лучше я найду какой-нибудь живописный портрет.

И вдруг счастливая мысль озарила Расима. Широко раскрытыми от радости глазами он глядел то на Мадину, то на Явера:

– Если позволите, я исполню и ваше желание, Явер, и ваше, Мадина-ханум. Это будет одновременно и портрет Мадины-ханум, и живопись.

При этом неожиданном предложении супруги невольно переглянулись. Мадина ещё не решилась заговорить, как вдруг Явер ответил:

– Прекрасная мысль! Мне давно хотелось иметь портрет Мадины!

Расим далеко улетел на крыльях мечты. Перед его глазами был портрет красивой, благородной женщины высокой души, чистого сердца. А Мадина всё ещё колебалась. Ей казалось нелепым – часами позировать перед художником ради портрета. Отказаться тоже было бы нехорошо. Ведь её муж уже согласился – как видно, от всей души. Противоречивые чувства боролись в сердце Мадины. Ей уже не хотелось, чтобы скорее наступил вечер, чтобы Расим ушёл от них. Казалось, даже стены комнаты становились теплее от его дыхания, казалось, им тоже хочется слушать его мягкий голос.

– Итак, когда начинаем? – обратился Расим к Мадине. Она посмотрела на мужа, потом на Расима. Их взоры встретились. И Мадине показалось, что в глазах художника сияет всеми цветами радуги неведомый до сих пор ей, таинственный, манящий, чудесный мир. Это был пламенный, волнующий зов, он обещал бесконечную радость. Но к чему приведёт этот мир грёз, эти сладостные обещания? Мадина не успела ответить, как услышала откуда-то издалека голос:

– Если все согласны, давайте начнём скорее!..

Голос этот, впервые прозвучавший для Мадины как чужой, доносящийся к ней как бы издалекой дали, был голосом её мужа. Будто сам Явер вёл её за руку, подбадривая, толкал в тот волшебный и в то же время пугающий мир, куда звал её художник.

– Это не утомит вас? – спросила Мадина, улыбаясь старому школьному товарищу едва заметной, растерянной улыбкой, и покраснела. Улыбка эта, видимо, смущила и художника.

– Что вы, мне очень приятно, – ответил он и снова взглянул на Мадину безразличным как будто бы, а на самом деле полным тайных обещаний взглядом, Мадина увидела в этом взгляде силу, способную покорить волю человека. Она опустила голову и робко проговорила:

– Хорошо...

На следующий день к вечеру Мадина, пообедав с маленькой Лейлой и мужем и убрав посуду, принарядилась в ожидании Расима. Но часы пробили семь, а Расим не пришёл, пробили восемь – его всё не было. Мадина забеспокоилась.

– Не случилось ли с ним что-нибудь? – сказала она, с тревогой глядя на мужа.

– А что могло случиться? Наверно, задержался где-нибудь на собрании, иначе позвонил бы. Он ведь очень аккуратный. Если что обещает – обязательно выполнит. И, говорят, исключительно талантливый художник. Знатоки считают, что он подаёт большие надежды.

– И в школе он был одним из самых способных учеников, – подтвердила Мадина, – довольно было ему один раз прослушать объяснения учителя, все запоминал.

– Мне особенно нравится его скромность. Никогда о себе не говорит. А ведь есть такие, что только о себе и думают. У них что ни слово – Я да Я! Противно становится.

Мадине понравилось, что муж так одобрительно отзывается о Расиме. Как хорошо, что они подружились! В эту минуту зазвонил телефон. Мадина взяла трубку. Говорил Расим. Он сразу узнал её.

– Здравствуйте, Мадина-ханум, – сказал он и, помолчав, печально добавил: – Я прошу извинить меня за то, что не сдержал обещания. Вы знаете, у нас в Союзе было очень важное собрание.

– Ну что ж, придёте завтра, – сказала Мадина и сама испугалась своего дрожащего голоса.

– В том-то и дело, что и завтра мне не удастся прийти, – смущённо ответил Расим, – мне необходимо на десять–пятнадцать дней уехать в Нууху, Кахи и Закаталы. Итак, до свидания. Вернусь, увидимся.

Она жалела, что с самого начала не передала ему трубку, и виноватыми глазами глядела на Явера. И муж не отрывал глаз от неё. Но в его глазах был не упрёк, а рассеянное, задумчивое молчание. Как будто он старался по ответам жены догадаться, о чём говорит с ней Расим.

Неожиданный отъезд Расима отчасти огорчил Мадину, но скорее она была рада, потому что все ещё не могла представить себе, как будет позировать художнику. Может быть, так всё и забудется? Во всяком случае, у неё теперь было достаточно времени, чтобы обдумать всё и подготовиться...

Занятые своими делами, и Явер и Мадина, казалось, со всем забыли о художнике...

Художник появился так же внезапно, как и уехал. Явер и Мадина сидели за вечерним чаем. Как обычно, беседовали, слушали радио, играли с маленькой Лейлой. Раздался звонок. Явер открыл дверь.

– А вот и «хороший дядя»! – громко воскликнул он. – Где это ты запропастился?

Мадина хотела выйти в переднюю, но, почувствовав, как радостно тревожно забилось сердце, остановилась. Вшёл художник и вежливо поздоровался.

– Что-то затянулась ваша поездка. Садитесь же, – сказал Явер.

Художник сел в кресло. Сел, как человек, измученный долгой тоской и жаждой. Он даже как будто осунулся. Отвечая на вопросы Явера, он начал рассказывать о богатой, дивной природе тех мест, где побывал, рассказал и о новых своих произведениях, над которыми начал работать. Так прошёл весь вечер. Только уходя, уже в дверях, Расим напомнил, что с завтрашнего дня начнёт портрет Мадины.

– Я уже готов, всё у меня созрело здесь, – сказал он и положил руку на сердце. – Значит, договорились?

– Боюсь, опять что-нибудь помешает вам. На этот раз поедете на Алтай, – улыбнулась Мадина.

– Нет, больше никуда не поеду. С завтрашнего дня начинаем.

Теперь, как только время подходило к семи часам вечера, Мадина спешила в спальню. То надевала шёлковое

платье в маленьких жёлтых цветочках, которое очень ей шло, то шерстяной костюм, меняла чулки, поправляла волосы, на несколько мгновений задерживалась перед зеркалом, любуясь собой. Мадина не принадлежала к числу женщин, которые пользуются косметикой, как артист григорий. Ни разу в жизни она не красила губы. Любила слегка напудриться и надушиться, если собиралась с мужем в кино, в театр или в гости к кому-нибудь из друзей. Но это бывало не часто – два-три раза в месяц. А теперь она стала ежедневно следить за своим туалетом. Поначалу это даже нравилось Яверу, ему всегда хотелось видеть жену красивой и привлекательной. И все же, заметив, что она что-то уж слишком принялась ухаживать за собой, Явер, видимо, что-то заподозрил. Он вспомнил, что прежде она редко надевала жёлтое платье в цветочках, даже возражала, когда он просил её об этом:

– Зачем напрасно мять его, дома и так сойдёт!

Теперь же Мадина каждые два-три дня усердно гладила это самое жёлтое платье, которое так шло её тонкой талии и округлым плечам. Но Яверу не хотелось думать о жене плохо. Он верил ей, гнал сомнения прочь. Он был бы глубоко несчастен, если бы своими подозрениями хоть на миг огорчил её. Поэтому Явер старался подавить в себе сомнения, которые возникали в нём, когда он видел чрезмерную заботу Мадины о своей наружности. Явер ни слова не говорил, молчал, но невольно начал следить за женой.

А Мадина считала всё это вполне естественным. Она старалась убедить себя, что тут ничего плохого нет. Ведь к ним в дом приходит посторонний человек, и он как друг мужа часами сидит у них, разговаривает, пьёт чай, слушает музыку. Иногда они играют в народы. Было бы неловко выйти к нему – к гостю в затрапезном платье, от которого за версту несет жареной картошкой и луком. Так Мадина внутренне оправдывала себя. Она не допускала и мысли о том, что в ней пробудилось желание нравиться Расиму, что жёлтое платье в цветочках надевает для него, для Расима. Она не знала, что в её жестах, в разговоре, в глазах заметно какое-то необычное оживление. Она напоминала теперь человека, который задремал в мрачный зимний вечер и перед которым внезапно во всей своей красоте предстала весна. Всё это будет его, спящего, рождает в нём неясные стремления. Да, неведомый, незнакомый мир, сиявший в больших карих глазах Расима, всё сильнее звал и манил Мадину.

По мере того как подвигалась работа над портретом, всё сильнее разгоралось это влечение. Вначале Расим приходил два раза в неделю. Потом он стал появляться через день. Мадина накрывала на стол, подавала чай, сахар, варенье, разные сладости, приготовленные ею, а затем садилась позировать. Они беседовали о том о сём, и, так, беседуя, Расим брал кисть и незаметно, не торопясь

начинал работать. Разговаривая, художник чаще обращался к Яверу, слушал Явера, делал вид, будто внимание его приковано только к Яверу. Но Мадина знала: всё это лишь внешняя форма обращения, до которой дошёл современный цивилизованный человек, а на деле – тонкий занавес, с помощью которого художник скрывает свои мысли, занятые только ею. Даже ревнивые глаза мужа не могли проникнуть за этот занавес и увидеть то, что таится за ним. Расим держался так, что не вызывал у Явера и тени подозрения, напротив, всячески успокаивал его, а Мадину не-престанно звал в свой многообещающий, волшебный мир.

Так прошли недели. Все ярче проступали контуры портрета. Хаотически набросанные краски всё больше подчинялись законам гармонии и всё ярче выявляли прекрасный образ, полный глубокого смысла и страсти. Словно бы из ничего, сквозь тучи пробивался луч света и, двигаясь, высвечивал пленительный образ. Однажды, взглянув на портрет, Мадина сама поразилась. Художник отразил в глазах Мадины неясные порывы её сердца, страдание, которое она таила от всех. В прекрасном лице Мадины, обрамлённом каштановыми косами, казалось, пылало страстное, затаённое влечение. В то же время в портрете слышался зов и другого сердца, его тоска и жажда. Это были чувства художника.

Увидав портрет, Явер восхликал с восхищением:

– Прекрасно! Сам Рембрандт не работал так вдохновенно над портретом своей жены Саскии! – восхликал он и вдруг замолчал, как громом поражённый. Он прочитал на портрете то обоюдное влечение, которое таилось во взглядах Мадины и Расима, в их жестах, мимике. Казалось, это был не портрет, а сказание о любви. И оно, это сказание, глубоко взволновало Явера, разбудило чувства, до сих пор спокойно дремавшие в нём, дотоле не знавшем соперника! И ему захотелось распахнуть свою грудь, показать бушующее в нём пламя, противопоставить любви художника свою большую любовь, которая жила не только в его глазах, а во всём существе, в каждом движении его души. Сказать: «Мадина, взгляни, найди хоть частицу моего сердца, которая могла бы жить без тебя... Какой художник на свете сможет любить тебя сильнее, чем я?..»

Но, увы, поздно. Теперь эти слова покажутся Мадине попросту смешными. Художник околдовал её! Сердце Явера стеснилось при этой мысли, печаль застлала глаза. Словно усталый, изнурённый долгой дорогой путник, он почти упал на тахту.

И Мадина, и художник поняли, что чувствует сейчас Явер. Наступило тяжёлое молчание. Во взгляде художника была и горесть и сожаление. Но он был беспомощен. Он не находил выхода... Душа его разрывалась от сознания вины...

Мадина тоже растерялась. Впервые муж показался ей подавленным, беспомощным. Точно на плечи его свалился огромный, невыносимой тяжестью груз.

«Что сделает, как поступит Явер? – пронеслось в голове Мадины. – Неужели уйдёт, бросит семью, родной очаг?» Глаза Явера смотрели на Мадину нежнее, ласковее, чем прежде. Но в каждом жесте была какая-то сдержанная гордость.

Чувствуя на себе напряжённые взгляды Мадины и Расима, Явер думал:

«Что же делать? Как поступить? Прикрикнуть на Мадину, прогнать Расима? Но разве этим можно погасить влечение, которое зародилось в сердце женщины, затуманило её глаза? Можно ли объяснить Расиму, какую опасную игру он ведёт? Нет, это лишь ускорит назревающую трагедию и облегчит переход им обоим на путь, который, может быть, для них самих пока ещё покрыт туманом. А что, если ничего особенного между ними нет? Если всё это лишь плод ревнивой фантазии? Возможно и такое». Явер именно сейчас вспомнил о семейной драме своего двоюродного брата. Жена его, принимая гостей, встретила слишком ласково одного из них. Заметив это, двоюродный брат Явера от ревности совсем обезумел. Он поднял руку на любимую жену, грубо оскорбил гостя – старого друга их семьи. На следующий день, возвратясь с работы домой, нашёл на столе такую записку: «Я не знала, что люблю этого человека. Я внушила себе, что люблю только тебя. Пощечиной, нанесённой сегодня мне, ты разбудил меня, и я поняла, что до сих пор жестоко ошибалась. Прощай, навсегда покида твой дом».

Нет, Явер не позволил бы себе такую грубую, диковинную выходку! И потом: кому нужна любовь, не выдержавшая первого серьёзного испытания? Если женщина, встретив человека более красивого, чем её муж, стоящего выше него по положению, более прославленного, забывает всё, какая польза от её присутствия в доме? Пусть такая женщина поступает, как захочет, пусть она уходит, куда пожелает!

Уже не глядя на Расима, Явер сказал жене:

– Ты знаешь, Мадина, я совсем забыл, что у нас собрание в школе. Мне непременно надо быть там. Вы сидите, я вернусь. – И, не дожидаясь ответа Мадины, окинув её долгим, внимательным взглядом, он вышел. Этот взгляд, ещё недавно согревавший душу Мадины, теперь напоминал гаснущую золу костра. Мадина не могла понять, почему Явер так поступил. Рассержен ли он? Ревность ли это? Или он хочет показать, что стоит выше мелких подозрений и по-прежнему безгранично доверяет своей жене? Она долго смотрела вслед, прислушивалась к звукам его шагов, пока он спускался по лестнице. Но чем дальше уходил Явер, тем сильнее тоска сжимала сердце Мадины. Как неосторожное дитя, разбившее волшебное хрустальное зеркало, которое случайно попало к нему в руки, она терзалась, сознавая, что не смогла уберечь драгоценное сокровище. К чему эти мучения? Разве не была она счастлива с мужем? Правда, её счастье было похоже на тихую,

спокойную речку, которая не волновалась, не выходила из берегов. Ну что ж, каждый живёт по-своему, каждый понимает счастье по-своему, и, наконец, у каждого своё счастье. Вот это – мое счастье. «Да, нам надо рас прощаться!» – твёрдо решила она.

Вернувшись в комнату, она оказалась лицом к лицу с художником. И когда её глаза встретились с глазами Расима, вся её решимость растаяла как туман. Мадина остановилась, внезапно лишившись дара речи, прислонилась к стене. В карих глазах Расима, во всём его облике была бесконечная печаль. В томительной тишине они глядели друг на друга. Мадине показалось: в эти мгновения вся её воля, жизнь, судьба в руках Расима, он может сделать всё, что захочет. Как будто поняв это, художник взял её за руку, подвёл к тахте, усадил:

– Я знаю, что поступаю плохо, но это не в моей власти.

Мадину охватила холодная дрожь. Как больная, пришедшая в себя после приступа лихорадки, она отодвинулась в сторону, отстраняя его рукой:

– Прошу вас, не говорите так. Вы же видите, что я замужем, у меня дочь. Вы можете найти своё счастье с другой, любая хорошая девушка выйдет за вас замуж.

Художник не отрывал глаз от Мадины. И она смотрела в эти глаза. С просьбой, с мольбой она неотрывно глядела на него. В глазах художника была та ясность и решимость, которые рождаются не от мимолётных порывов, а только от глубоких сердечных потрясений.

– Я не скажу вам, что любил вас ещё в школе. Такая ложь ни к чему. Но если я вам скажу, что в годы, когда мы жили, не зная друг о друге, я посвящал свою жизнь только искусству, это тоже было бы ложью. Были женщины, с которыми я встречался, был близок, но ни одна из них не очаровала меня так, как вы, ни одна из них не обещала мне такого большого, необъятного счастья.

Художник говорил, и сердце Мадины то смягчалось, то снова становилось твёрдым как камень. Она чувствовала себя все уверенней – опасные мгновения миновали, остались позади. Те мгновения, когда человек, ни о чём не думая, словно с завязанными глазами, готов броситься в пропасть. Те мгновения уже не повторятся!

– Я верю в искренность ваших слов, вашего чувства. Но женщины, подобные мне, всегда должны подчинять свои чувства и страсти разуму. Может быть, с вами я действительно достигну ещё большего счастья. Но какой ценой? Ценой всей жизни человека, безраздельно отдавшего мне свое сердце, ценой будущего моей маленькой дочери! Нет, Расим, ни вам, ни мне такого счастья не нужно.

– Вашу дочь я буду беречь лучше родного отца, – возразил художник. – Проверьте, я не легкомысленный человек. Я всё обдумал. За эти два месяца я пережил муки многих лет. И я не случайно уехал тогда из Баку. Мне хотелось убежать от себя и от вас. Не вышло! Что поделаешь, Явер

тоже поймёт нас. Неужели он будет счастлив, когда увидит, что вы остыли к нему, что его очаг, его семья не согреваются прежней душевной теплотой?

– Может быть, все это правда. Но не для меня, а для других женщин! Я знаю, есть женщины, – полюбив снова, они ни с чем не считаются, уходят, бросают домашний очаг, детей. Я их не виню. Может быть, это их право. Но я вижу своё право в другом. Такие женщины, как я, ищут счастье в своей совести, чести. Один раз споткнувшись, упав, они остаются калеками на всю жизнь, не могут подняться вновь. Я знаю, найдутся люди, которые назовут таких, как я, слабыми, трусливыми, чёрствыми. Ну и пусть! Это не страшит меня.

Художник отвернулся, чтобы Мадина не увидела слёз в его глазах.

– Вы заслуживаете большей любви, Мадина! – прошептал он. Потом указал на портрет. – Подарите мне ещё два вечера, чтобы закончить его...

С трудом удерживаясь, чтобы не расплакаться, дрожащим голосом Мадина сказала:

– Лучше оборвать на этом. Не надо заканчивать.

Она встала и направилась к двери.

Расим надел пальто.

– Позвольте в последний раз пожать вашу руку. Обещайте мне, что не будете думать обо мне плохо. И ещё запомните: у вас есть друг, и он в трудную минуту готов исполнить вашу волю, как покорный раб. Хорошо?

Не глядя ему в глаза, Мадина утвердительно кивнула головой и, спешно закрыв дверь, бросилась на тахту. Одно желание было теперь у неё: разрыдаться, смыть потоками слёз тяжёлые, смутные чувства, наполнившие грудь. Но она не могла плакать, что-то мешало. В эту минуту раздался звонок. Вернулся Явер. Мадина думала, что он воротится сердитым, гневным. Но он по-прежнему был приветлив, тих, спокоен, – а может быть, старался выглядеть таким. Только чёрную тень печали под глазами он никак не мог скрыть. Мадине показалось, что никогда уже не удастся стереть с лица Явера эту тень. Пропустив его в переднюю, она тут же обняла его, положила голову ему на плечо:

– Явер, милый... И, не выдержав, разрыдалась. Явер вытер слёзы жены, поцеловал её в голову, погладил: – Глупенькая, что с тобой? Не плачь, ребёнок разбудишь.

Перевод Бориса Турганова